Дата поступления рукописи в редакцию: 17.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 27.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-5-69-75

АТАКАЕВА Зумруд Арсеновна,

магистрант юридического факультета ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала, Россия,

e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:

АКАЕВА Аминат Абдурахмановна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,

e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ КОСВЕННОГО УМЫСЛА И ПРЕСТУПНОГО ЛЕГКОМЫСЛИЯ: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ОШИБКИ

Аннотация. *В статье анализируется одна из наиболее сложных и дискуссионных проблем теории уголовного права и правоприменительной практики – разграничение косвенного умысла и преступного легкомыслия. Автором рассматриваются законодательные дефиниции указанных форм вины, выявляются их сходства и различия, анализируются основные доктринальные подходы к разграничению. Особое внимание уделяется типичным ошибкам, допускаемым судами при квалификации деяний, совершенных с косвенным умыслом и по легкомыслию. В статье предлагаются конкретные пути совершенствования уголовного законодательства и правоприменительной деятельности, направленные на повышение эффективности разграничения исследуемых форм вины.*

Ключевые слова: *косвенный умысел, преступное легкомыслие, форма вины, интеллектуальный момент, волевой момент, разграничение, правоприменительные ошибки, квалификация преступлений, субъективная сторона.*

ATAKAEVA Zumrud Arsenovna,

master's student of the Faculty of Law of Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Scientific supervisor:

AKAYEVA Aminat Abdurakhmanovna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of Dagestan State University

THE PROBLEM OF DISTINGUISHING BETWEEN INDIRECT INTENT AND CRIMINAL RECKLESSNESS: DOCTRINAL APPROACHES AND LAW ENFORCEMENT ERRORS

Annotation. *The article analyzes one of the most complex and debatable problems of the theory of criminal law and law enforcement practice – the distinction between indirect intent and criminal recklessness. The author examines the legislative definitions of these forms of guilt, identifies their similarities and differences, and analyzes the main doctrinal approaches to differentiation. Special attention is paid to typical mistakes made by courts when qualifying acts committed with indirect intent and with criminal recklessness. The article suggests specific ways to improve criminal legislation and law enforcement activities aimed at increasing the effectiveness of distinguishing the forms of guilt under study*.

Key words: *indirect intent, criminal recklessness, form of guilt, intellectual element, volitional element, differentiation, law enforcement errors, qualification of crimes, subjective side.*

Институт вины традиционно занимает центральное место в системе уголовного

права, являясь одним из ключевых элементов состава преступления и необходимым условием привлечения лица к уголовной ответственности. В соответствии со статьей 5 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина [1]. Как справедливо отмечает Т.Б. Недопекина, проблема понимания вины признается не только одной из старейших, но и самых сложных, вечно актуальных проблем уголовно-правовой теории и практики применения уголовного закона, ибо это то основное звено, на котором строится, по сути, вся правоприменительная деятельность, поскольку к уголовной ответственности привлекаются только лица, признанные виновными в совершении преступления [15, с. 36].

Российское уголовное законодательство выделяет две формы вины: умысел (статья 25 УК РФ) и неосторожность (статья 26 УК РФ), каждая из которых подразделяется на виды. Умысел может быть прямым и косвенным, а неосторожность – в виде легкомыслия и небрежности. При этом наибольшие сложности как в теории уголовного права, так и в судебной практике вызывает разграничение косвенного умысла и преступного легкомыслия. Как указывает Р.Р. Мирасов, актуальность темы обусловлена сложностью квалификации деяний, связанных с данными формами вины, что влечет за собой ошибки правоприменителей и более суровое наказание для подсудимых [6, с. 7-9]. Не случайно А.А. Иванова называет отграничение косвенного умысла от легкомыслия одной из наиболее сложных проблем в уголовном праве [8, с. 10-11].

Целью настоящей статьи является комплексный анализ проблемы разграничения косвенного умысла и преступного легкомыслия, выявление доктринальных подходов к ее решению, а также разработка предложений по совершенствованию уголовного законодательства и правоприменительной практики в данной сфере.

Для понимания проблемы разграничения косвенного умысла и преступного легкомыслия необходимо, прежде всего, обратиться к их законодательным дефинициям, закрепленным в статьях 25 и 26 УК РФ.

Согласно части 3 статьи 25 УК РФ, косвенным умыслом признается форма вины, при которой лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично. Таким образом, законодательная конструкция косвенного умысла включает в себя:

Интеллектуальный момент: осознание общественной опасности деяния и предвидение возможности наступления общественно опасных последствий.

Волевой момент: нежелание наступления последствий, но их сознательное допущение либо безразличное к ним отношение.

Как подчеркивается в литературе, при косвенном умысле виновный осознает общественную опасность, но ее предвидение носит реальный характер, а само лицо психологически соглашается с возможным наступлением последствий [7, с. 27-31].

Преступное легкомыслие, в соответствии с частью 2 статьи 26 УК РФ, характеризуется тем, что лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий. Интеллектуальный момент легкомыслия выражается в предвидении лицом абстрактной возможности наступления общественно опасных последствий, а волевой момент – в самонадеянном, но недостаточно обоснованном расчете на их предотвращение.

А.И. Рарог справедливо отмечал, что при легкомыслии субъект осознает общественную опасность преступного деяния и потенциальную угрозу наступления негативных, преступных последствий, однако полагается на фактические силы, способные их предотвратить [7, с. 24-26]. В отличие от косвенного умысла, где лицо сознательно допускает возможность наступления последствий, при легкомыслии оно надеется на их отсутствие и не имеет серьезного отношения к риску [4, с. 19-22].

Сложность разграничения косвенного умысла и преступного легкомыслия обусловлена их сходством, особенно в интеллектуальном элементе. В обоих случаях лицо предвидит возможность наступления общественно опасных последствий своего деяния. Это сходство неоднократно подчеркивалось в научной литературе. По существу преступное легкомыслие является близким к умышленной вине в форме косвенного умысла [2, с. 24-26].

Однако, несмотря на внешнее сходство, между ними имеются принципиальные различия, которые проявляются как в интеллектуальном, так и в волевом моментах. Многие авторы [7; 8; 4; 5] отмечают, что разграничение между ними проводится как по интеллектуальному, так и по волевому моменту [3, с. 11-14].

2.1. Интеллектуальный критерий разграничения

Интеллектуальный критерий разграничения косвенного умысла и преступного легкомыслия заключается в характере предвидения лицом возможности наступления общественно опасных последствий. При косвенном умысле лицо предвидит реальную (конкретную) возможность наступления последствий, то есть осознает, что его деяние с неизбежностью или высокой степенью вероятности может повлечь наступление преступного результата. В отличие от этого, при легкомыслии лицо предвидит лишь абстрактную возможность наступления последствий, не осознавая их реальной угрозы [8, с. 33-36].

При косвенном умысле лицо осознает общественную опасность совершаемого им деяния, а при самонадеянности оно считает, что это деяние не обладает общественной опасностью, свойственной преступлению [3, с. 12-14]. Иными словами, при легкомыслии лицо недооценивает степень общественной опасности своего поведения, тогда как при косвенном умысле – адекватно ее оценивает.

2.2. Волевой критерий разграничения

Волевой критерий является определяющим при разграничении косвенного умысла и преступного легкомыслия. Как отмечает Б.В. Здравомыслов, косвенный умысел основывается на том, что субъект одобрительно относится к возможности наступления общественно опасного результата, хотя прямо и не желает его. При легкомыслии лицо, напротив, негативно относится к наступлению преступных последствий и, кроме того, самонадеянно и без достаточных на то оснований рассчитывает на их предотвращение [7, с. 31-34].

Ключевое отличие состоит в следующем:

При косвенном умысле лицо сознательно допускает наступление общественно опасных последствий, не предпринимая никаких попыток предотвратить их, и относится к ним безразлично [2, с. 20-22].

При легкомыслии лицо рассчитывает на предотвращение последствий, надеясь на свои личные качества, умения, опыт, а также на действия других лиц, механизмов, либо на иные объективные обстоятельства, которые, по его мнению, способны предотвратить наступление преступного результата [7, с. 35-38].

Б.В. Здравомыслов усматривает еще одну характеристику волевого элемента – случайное стечение обстоятельств. Так, если субъект преступления полагается «на авось», то это свидетельствует о наличии косвенного умысла. Напротив, если лицо рассчитывает на реальные обстоятельства, которые действительно существовали в момент совершения им деяния, то речь идет о преступном легкомыслии [7, с. 35-38].

Таким образом, если при косвенном умысле лицо безразлично относится к возможности наступления последствий и не предпринимает мер к их предотвращению, то при легкомыслии оно предпринимает определенные (пусть и недостаточные) усилия, направленные на их предотвращение, искренне веря в успех.

В науке уголовного права сложились различные подходы к пониманию соотношения косвенного умысла и преступного легкомыслия. Эти подходы можно условно разделить на несколько групп.

Традиционный подход, представленный в работах таких ученых, как Б.С. Утевский, П.С. Дагель, М.С. Гринберг, основывается на четком разграничении косвенного умысла и легкомыслия по интеллектуальному и волевому моментам. Сторонники этого подхода [6; 7; 8] подчеркивают необходимость сохранения в уголовном законодательстве обеих форм вины, поскольку они отражают различные психологические состояния лица и влекут за собой разную степень ответственности. Как указывает С.Ю. Кораблёва, для удовлетворения потребностей правоприменительной практики в реализации теоретических конструкций гораздо более эффективным является не удаление «лишних» видов вины с переходом, по сути, к объективному вменению, а активное взаимодействие науки и практики, например, через институт «друзья суда» [9, с. 15-19].

В истории науки уголовного права выдвигались различные предложения, касающиеся косвенного умысла. Так, в связи с наличием сходства между косвенным умыслом и легкомыслием высказывались идеи о том, что необходимо или вообще отказаться от понятия косвенного умысла, или объединить понятия «косвенный умысел» и «легкомыслие» в одно понятие «заведомо» [16, с. 16-19]. И в настоящее время имеются сторонники законодательного отказа от косвенного умысла, в качестве аргумента выдвигающие тезис об отсутствии практической целесообразности его выделения [16, с. 19-22]. Однако, по мнению большинства ученых [9; 16], такой подход является чрезмерно упрощенным и не учитывает всех нюансов психического отношения лица к содеянному.

Ряд авторов [6; 11; 12] предлагают использовать объективные критерии для разграничения косвенного умысла и преступного легкомыслия. К таким критериям относят: характер и локализацию причиненного вреда, использование орудий и средств совершения преступления, поведение виновного после

совершения деяния. Однако, как справедливо отмечает С.Ю. Кораблёва, все они формулируются очень размыто и не дают реальной возможности отграничить легкомыслие от косвенного умысла и даже от небрежности [17, с. 13-18]. Более того, современный вариант формулирования легкомыслия, во-первых, слишком размыт, а во-вторых, не отвечает элементарным представлениям о справедливости, и потому данная форма вины не может в полной мере использоваться в правоприменительной практике [17, с. 15-18].

Проблема разграничения косвенного умысла и преступного легкомыслия имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение. Ошибки в определении формы вины влекут за собой неправильную квалификацию содеянного, что, в свою очередь, приводит к назначению несправедливого наказания. Как подчеркивает Р.Р. Мирасов, установление четкой грани между исследуемыми категориями позволит не только избежать ошибок при принятии судебных решений, но и обеспечить защиту прав подсудимых, повышая тем самым доверие к правовой системе в целом [6, с. 14-17].

Анализ судебной практики позволяет выделить следующие типичные ошибки, допускаемые правоприменителями при разграничении косвенного умысла и преступного легкомыслия.

Наиболее распространенной ошибкой является признание косвенного умысла в тех случаях, когда фактически имело место преступное легкомыслие. Это приводит к ужесточению ответственности для подсудимых, поскольку умышленные преступления, как правило, влекут более суровое наказание, чем неосторожные.

Такая ошибка возникает, когда суд, установив, что лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, автоматически делает вывод о наличии косвенного умысла, не анализируя должным образом волевой момент. Между тем, как уже отмечалось, для косвенного умысла характерно сознательное допущение последствий, тогда как при легкомыслии лицо рассчитывает на их предотвращение. Нередко суды игнорируют те обстоятельства, которые свидетельствуют о том, что лицо предпринимало определенные меры для предотвращения последствий (например, пыталось остановить развивающийся процесс, обращалось за помощью к другим лицам, использовало средства защиты и т.п.).

Противоположная ошибка, хотя и встречается реже, также имеет место в судебной практике. Она заключается в том, что суд, установив факт предвидения лицом возможности наступления последствий и отсутствие желания их наступления, делает вывод о легкомыслии, не принимая во внимание, что лицо не предпринимало никаких мер для предотвращения последствий и относилось к ним безразлично.

К сожалению, в судебной практике допускаются ошибки, в том числе и связанные с неправильным обоснованием умысла виновного лица [16, с. 34-35]. Например, при квалификации преступлений, связанных с причинением вреда здоровью, суды иногда неверно определяют, имел ли место косвенный умысел на причинение тяжкого вреда или же легкомыслие.

Многие ошибки при разграничении косвенного умысла и преступного легкомыслия обусловлены недостаточно полным и всесторонним анализом субъективной стороны преступления. Как справедливо отмечает В.В. Хилюта, законодатель допускает определенные противоречия в описании признаков интеллектуального и волевого компонентов вины, использует конструкции, которые не могут быть применимы во всех случаях, и не являются универсальными во всех ситуациях [18, с. 11-14].

Суды нередко ограничиваются формальной констатацией того, что лицо предвидело возможность наступления последствий, не вникая в содержание его психического отношения к содеянному. При этом игнорируются такие важные обстоятельства, как мотивы и цели преступления, способ его совершения, поведение виновного после совершения деяния, его личностные характеристики и т.д.

Анализ теоретических и практических аспектов проблемы разграничения косвенного умысла и преступного легкомыслия позволяет предложить следующие пути ее решения.

Представляется необходимым внести изменения в статьи 25 и 26 УК РФ с целью более четкого закрепления признаков, позволяющих разграничить косвенный умысел и преступное легкомыслие. В частности, можно предложить:

Дополнить часть 3 статьи 25 УК РФ указанием на то, что при косвенном умысле лицо сознательно допускает наступление общественно опасных последствий, то есть относится к ним безразлично и не предпринимает никаких попыток предотвратить их.

Дополнить часть 2 статьи 26 УК РФ указанием на то, что при легкомыслии лицо рассчитывает на предотвращение общественно опасных последствий, предпринимая для этого определенные (пусть и недостаточные) меры, либо полагаясь на объективные обстоятельства, которые, по его мнению, способны предотвратить наступление преступного результата.

Как обосновывает Р.Р. Мирасов,

выявлены признаки, позволяющие разграничить косвенный умысел и преступное легкомыслие, и обосновывается необходимость законодательного закрепления данных признаков [6, с. 12-14]. Такое закрепление позволит унифицировать подходы к разграничению исследуемых форм вины и снизить количество правоприменительных ошибок.

Целесообразно разработать и утвердить постановление Пленума Верховного Суда РФ, посвященное вопросам разграничения косвенного умысла и преступного легкомыслия. В данном постановлении следует дать разъяснения по следующим вопросам:

критерии разграничения косвенного умысла и преступного легкомыслия по интеллектуальному и волевому моментам;

обстоятельства, подлежащие установлению для определения формы вины;

типичные ошибки, допускаемые судами при квалификации деяний, совершенных с косвенным умыслом и по легкомыслию;

рекомендации по оценке доказательств, подтверждающих ту или иную форму вины.

Такое постановление, как справедливо отмечается в литературе, поможет судам избегать ошибок при принятии решений и обеспечит единообразие судебной практики [6, с. 14-17].

Необходимо организовать систематическую работу по повышению квалификации судей, следователей и прокуроров в части установления и доказывания формы вины. В рамках этой работы следует:

проводить семинары и круглые столы с обсуждением проблемных вопросов разграничения косвенного умысла и преступного легкомыслия;

изучать и обобщать судебную практику по делам, где возникали сложности с определением формы вины;

разрабатывать методические рекомендации по установлению субъективной стороны преступления.

Как отмечает С.Ю. Кораблёва, задача науки – детальность в описании изучаемой проблемы, выделение всех возможных в реальности оттенков вины. Именно наука может и должна помочь правоприменителю в решении этой сложной задачи [9, с. 14-15].

При рассмотрении сложных уголовных дел, где возникает вопрос о разграничении косвенного умысла и преступного легкомыслия, целесообразно привлекать специалистов в области психологии и психиатрии. Психологическая экспертиза может дать ответ на вопросы о том, каковы были интеллектуальные и волевые процессы, происходившие в психике обвиняемого в момент совершения преступления. Это позволит более объективно и всесторонне оценить субъективную сторону содеянного.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие основные выводы.

Проблема разграничения косвенного умысла и преступного легкомыслия является одной из наиболее сложных в теории уголовного права и правоприменительной практике. Ее актуальность обусловлена сходством указанных форм вины, особенно в интеллектуальном элементе, что нередко приводит к ошибкам при квалификации преступлений.

Ключевое различие между косвенным умыслом и преступным легкомыслием лежит в волевом моменте. При косвенном умысле лицо сознательно допускает наступление общественно опасных последствий и относится к ним безразлично, не предпринимая мер к их предотвращению. При легкомыслии лицо рассчитывает на предотвращение последствий, предпринимая определенные усилия либо полагаясь на объективные обстоятельства.

В доктрине уголовного права сложились различные подходы к проблеме разграничения косвенного умысла и преступного легкомыслия: от традиционного, признающего необходимость сохранения обеих форм вины, до радикального, предлагающего отказаться от косвенного умысла или объединить его с легкомыслием.

Анализ судебной практики свидетельствует о наличии типичных ошибок при разграничении косвенного умысла и преступного легкомыслия. Наиболее распространенной является ошибочная квалификация легкомыслия как косвенного умысла, что влечет за собой необоснованное ужесточение ответственности.

Для решения проблемы разграничения косвенного умысла и преступного легкомыслия предлагается комплекс мер: совершенствование уголовного законодательства, разработка постановления Пленума Верховного Суда РФ, повышение квалификации правоприменителей, использование института специалистов и экспертов.

Реализация предложенных мер позволит не только снизить количество правоприменительных ошибок при разграничении косвенного умысла и преступного легкомыслия, но и обеспечить более справедливое и обоснованное привлечение лиц к уголовной ответственности, что в конечном итоге будет способствовать укреплению доверия к правовой системе в целом.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ.

1996. № 25. Ст. 2954.

[2] Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. – М.: Госюриздат, 1950. – 320 с.

[3] Дагель П.С. Проблемы вины в советском уголовном праве // Ученые записки Дальневосточного государственного университета. Вып. 21. Ч. 1. – Владивосток, 1968. – С. 45-60.

[4] Гринберг М.С. Преступная самонадеянность // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1976. № 3. – С. 68-74.

[5] Гавриленков С.А. Конкуренция легкомыслия и косвенного умысла в уголовном праве России // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2019. № 31. – С. 48-50.

[6] Мирасов Р.Р. Проблема разграничения косвенного умысла и преступного легкомыслия (на примере некоторых составов преступлений против жизни и здоровья) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. № 2 (72). – С. 83-90.

[7] Рарог А.И., Здравомыслов Б.В. (под общ. ред.) Уголовное право России. Общая часть: Учебник. – М.: Юристъ, 2020. – 512 с. [Использованы страницы: 24-38, 27-31, 31-38].

[8] Иванова А.А. Проблема отграничения косвенного умысла от легкомыслия в уголовном праве // Молодой ученый. 2024. № 28 (527). – С. 132-134.

[9] Кораблёва С.Ю. Четырёхуровневая градация вины: уголовно-правовая доктрина и судебная практика // Московский юридический журнал. 2025. № 1. – С. 2-39.

[10] Кораблёва С.Ю. К вопросу о видах неосторожности в российском уголовном праве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 23. – С. 67-81.

[11] Сабитов Р.А. Общая теория квалификации противоправных и правомерных деяний и событий: научно-практическое пособие. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 463 с.

[12] Скляров С.В. Вина и мотивы преступного поведения. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 256 с.

[13] Кочуганова Е.А. Проблема разграничения легкомыслия и косвенного умысла в судебной практике по уголовным делам // Молодой ученый. 2022. № 13 (408). – С. 205-207.

[14] Козлова Е.В., Кузнецова С.К., Дронова Ю.А. Разграничение косвенного умысла и легкомыслия // Проблемы публичного и частного права. Сборник студенческих научных работ III Международного студенческого форума. Выпуск 5. – Тверь: Тверской государственный университет, 2023. – С. 107-110.

[15] Недопекина Т.Б. Преступное легкомыслие: вопросы законодательного регулирования, теории и практики: дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2010. – 219 с.

[16] Попов А.Н. К вопросу об эвентуальном умысле // КриминалистЪ. 2018. № 1 (22). – С. 4-35.

[17] Кораблёва С.Ю. Проблемы доказывания легкомыслия на досудебных стадиях уголовного процесса // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии. 2021. № 4. – С. 3-38.

[18] Хилюта В.В. Определение вины в формальных составах преступлений // Уголовное право. 2022. № 1. – С. 11-14. DOI: 10.18572/2071-5870-2022-1-11-14 (или URL: https://justbel.info – доступ свободный).

References:

[1] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 28.12.2024) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

[2] Utevsky B.S. Wine in Soviet criminal law. - M.: Gosyurizdat, 1950. - 320 s.

[3] Dagel P.S. Problems of guilt in Soviet criminal law//Scientific notes of the Far Eastern State University. No. 21. PART 1. - Vladivostok, 1968. - S. 45-60.

[4] Greenberg M.S. Criminal arrogance//News of higher educational institutions. Jurisprudence. 1976. № 3. - S. 68-74.

[5] Gavrilenkov S.A. Competition of frivolity and indirect intent in the criminal law of Russia// Bulletin of the North-Eastern State University. 2019. № 31. - S. 48-50.

[6] Mirasov R.R. The problem of distinguishing between indirect intent and criminal frivolity (using the example of some corpus delicti against life and health)//Legal science and law enforcement practice. 2025. № 2 (72). - S. 83-90.

[7] Rarog A.I., Zdravomyslov B.V. (under the general ed.) Criminal law of Russia. General part: Textbook. - M.: Lawyer, 2020. - 512 p. [Pages used: 24-38, 27-31, 31-38].

[8] Ivanova A.A. The problem of distinguishing indirect intent from frivolity in criminal law//Young scientist. 2024. № 28 (527). - S. 132-134.

[9] Korableva S.Yu. Four-level gradation of guilt: criminal law doctrine and judicial practice// Moscow Law Journal. 2025. № 1. - S. 2-39.

[10] Korableva S.Yu. On the question of types of negligence in Russian criminal law//Bulletin of the Moscow State Linguistic University. 2012. № 23. - S. 67-81.

[11] Sabitov R.A. General theory of qualification of unlawful and lawful acts and events: scientific and practical manual. - M.: Yurlitinform, 2022. - 463 s.

[12] Sklyarov S.V. Guilt and motives of

criminal behavior. - M.: Yurlitinform, 2004. - 256 s.

[13] E.A. Kochuganova. The problem of distinguishing between frivolity and indirect intent in judicial practice in criminal cases//Young scientist. 2022. № 13 (408). - S. 205-207.

[14] Kozlova E.V., Kuznetsova S.K., Dronova Yu.A. Distinction between indirect intent and frivolity// Problems of public and private law. Collection of student scientific works of the III International Student Forum. Issue 5. - Tver: Tver State University, 2023. - S. 107-110.

[15] Nedopekina T.B. Criminal frivolity: questions of legislative regulation, theory and practice: dis.... cand. jurid. sciences. - Saratov, 2010. - 219 s.

[16] Popov A.N. To the question of eventual intent//Criminalist. 2018. № 1 (22). - S. 4-35.

[17] Korableva S.Yu. Problems of proving frivolity at the pre-trial stages of the criminal process// Actual problems of criminal law and criminology. 2021. № 4. - S. 3-38.

[18] Hilyuta V.V. Determination of guilt in formal compositions of crimes//Criminal law. 2022. № 1. - S. 11-14. DOI: 10.18572/2071-5870-2022-1-11-14 (or URL: https://justbel.info - free access).

